
ГЛОБАЛЬНАЯ ЭТИКА И ЛОКАЛЬНЫЙ ЭГОИЗМ

Авдеева И. А.*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием глобальной этики. В частности, отмечается, что, несмотря на преобладающее отрицательное отношение большинства людей к эгоизму, именно версия «разумного себялюбия» может оказать существенную поддержку в борьбе за утверждение этики солидарности и сотрудничества. Кроме того, обосновывается как необходимость прозелитизма в нравственном воспитании молодежи, так и лидирующая в современных условиях роль этики в исторически сложившейся связке «этика – право».

Ключевые слова: глобальная этика, моральные нормы, общественная мораль, глобальное сообщество.

The article deals with issues associated with the formation of global ethics. In particular, despite of most people's prevailing negative attitude towards egoism, it is just the idea of "reasonable selfishness" that can provide a significant support in the struggle for establishing the ethics of solidarity and cooperation. Besides, this explains both the need for proselytism in the moral education of youth, and the leading role of ethics in modern situation of historically developed relations between ethics and law.

Key words: global ethics, moral norms, social morality, global community.

У глобального общества должна быть глобальная этика солидарности и сотрудничества – очевидная аксиоматичность этого утверждения обусловила целый ряд попыток построения (конструирования) так называемой глобальной (в других версиях – планетарной) этики. Набор принципов таковой может варьироваться в достаточно широком диапазоне, однако в «сухом остатке» под планетарной этикой понимаются «простые, общечеловеческие нормы нравственности, которые необходимо в сегодняшнем мире распространять всемерно и повсеместно» [Нысанбаев], или «фундаментальный консенсус по поводу императивных ценностей, незыблемых критериев и важнейших надежд личности» [Кюнг, Мюллер].

Оставив за рамками данной работы вопрос о «джентльменском наборе» принципов глобальной этики, следует подчеркнуть, что необходимость императивности их позиционирования не вызывает сомнений – этические принципы, если уж таковыми стремятся быть, должны отстаиваться в полном соответствии с древнеримским «*dura lex, sed lex*»¹. Моральный релятивизм перед лицом мировых проблем представляется недопустимой роскошью: возможный «глобальный» крах глобализированного сообщества не оставляет возможности для «еще одной» цивилизационной попытки.

* Авдеева Ирина Александровна – к. ф. н., доцент кафедры философии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. E-mail: avdeeva@rambler.ru.

¹ Закон суров, но это закон (лат.).

Планетарная этика солидарности и сотрудничества, по мнению ее строителей (конструкторов), должна быть противопоставлена глобальному эгоизму, неизбежным следствием которого станет крах человечества. Эта чеканная фраза скрывает другую очевидность: глобального эгоизма нет. Эгоизм, как правило, локален и чаще всего индивидуален.

Начав теоретически легализовываться в качестве одного из начал человеческой активности в эпоху Возрождения, укрепившись, опять же теоретически, в эпоху Просвещения и став одним из краеугольных камней построения общества тотальной конкуренции в XIX в., эгоизм тем не менее сохранил негативную ауру, определяясь, например, в христианской традиции в качестве одной из греховных характеристик человека. А с учетом того, что именно христианская мораль преобладала на «массовом» уровне общественного сознания, сохранение негативных оценок любого эгоизма – от его крайних до «разумных» проявлений – не вызывает удивления.

Негативность массовой оценки обуславливает то, что большинство эгоистов вынуждено скрывать сей факт, не имея возможности противиться преобладающей на уровне общественного сознания максиме «эгоист – плохой». В этой локальности (разобщенности) и невозможности открыто объединиться кроется ахиллесова пята эгоизма – он всегда проигрывает (пусть очень медленно, пусть даже относительно) альтруистическому и вооруженному лишь общественным порицанием, но большинству. Неизбежность этого проигрыша очевидна, если сравнить современную торговую этику с торговой этикой, описанной в статье Г. Спенсера «Торговая нравственность», напечатанной в «The Westminster Review» в апреле 1859 г. [Спенсер 1999]. Сегодня, по крайней мере в развитых обществах, нет оснований давать системе торговли таких убийственных характеристик: «Совершенно ошибочно довольно, однако же, распространенное мнение, что в обманных действиях повинен только низший класс торговцев. Выше их стоящие массы тоже в большинстве случаев несвободны от этого упрека. В среднем коммерсанты, ведущие торговлю тюками и тоннами, в смысле нравственности мало отличаются от тех, которые продают ярдами и фунтами. Высший класс нашего коммерческого мира обнаруживает в своей деятельности все виды незаконных действий, за исключением только простого воровства. Бесчисленные плутни, ложь в действиях или в речах, тщательно обдуманный обман господствуют в торговле; многие из них признаются в качестве “торговых обычаев”, и не только признаются, но даже и оправдываются» [Там же: 1038]. Более того, словосочетание «социальная ответственность бизнеса» сегодня по частоте упоминания из разных уст вполне напоминает мантру и даже удостоилось отдельной статьи в «Википедии» [Корпоративная...].

Однако уже упоминавшаяся статья Г. Спенсера указывает на безусловную необходимость наличия этого самого большинства, которое формирует нравственность торговцев. В его отсутствие «те, которые не поддаются этой нравственной порче, часто рискуют при этом банкротством, а иногда даже наверняка к нему идут» [Спенсер 1999: 1038]. И сегодня, в XXI веке, это большинство востребовано не менее, чем в веке XIX.

Негативное восприятие эгоистов массами не дает им глобализироваться. Вторым не менее серьезным препятствием на пути глобализации эгоизма является его индивидуалистичность. Различие уровней действия солидарности и эгоизма,

вероятно, было одной из причин, обеспечивавших двум взаимоисключающим понятиям возможность длительного и относительно мирного сосуществования. Однако процессы глобализации привели к тому, что в современных условиях локальный (индивидуальный или групповой) эгоизм, слишком медленно проигрывающий, может достаточно быстро породить негативные и необратимые глобальные последствия.

Ярким примером этому может служить общество потребления, с упорством, достойным лучшего применения, создававшееся на протяжении практически всего XX в., – его эффективное функционирование возможно лишь до тех пор, пока используются ресурсы, многие из которых являются невозполнимыми. Крах общества потребления, представляющийся неизбежным, повлечет за собой не восполнение ресурсов, а лишь глобальный кризис с труднопрогнозируемыми последствиями.

Впрочем, объявлять тотальную войну эгоизму на этом основании представляется неверным. Ни в коей мере не отрицая необходимости «отказаться от эгоизма и начать уважать слабых и обделенных», к чему призывал еще папа римский Бенедикт XVI 25 декабря 2009 г., говоря о мировом финансовом кризисе 2008–2010 гг. в традиционном послании «Граду и миру» [«Кризис...» 2009], все же следует отметить, что эгоизм, особенно в версии «разумного себялюбия» французских мыслителей XVIII в., может стать союзником в борьбе за утверждение этики солидарности и сотрудничества. Ведь «естественно, что... среди очень многих человекоподобных видов, с которыми человек находился в борьбе за жизнь, выжил тот вид, в котором было сильнее развито чувство взаимной поддержки, тот, где чувство общественного самосохранения брало верх над чувством самосохранения личного, которое могло иногда влиять в ущерб роду или племени», – писал П. А. Кропоткин [1991: 207]. Как представляется, необходимость самосохранения может стать веским доводом в пользу необходимости принятия локальным эгоизмом глобальной этики.

«Эгоистическое» обоснование необходимости глобальной этики не только позволит состыковать разные уровни, но и даст возможность, а главное – время привести в действие систему этического воспитания, о важности которого писал еще Платон в «Законах»: «Мы считаем человека существом кротким. Да, если его счастливые природные свойства надлежащим образом развиты воспитанием, он действительно становится кротчайшим и божественнейшим существом. Но если человек воспитан недостаточно или нехорошо, то это – самое дикое существо, какое только рождает земля. Поэтому законодатель не должен допускать, чтобы воспитание детей было чем-то второстепенным и шло как попало» [Платон 1971: 766].

И, учитывая современные проблемы глобализирующегося сообщества, очевидно, что нравственное воспитание должно происходить не миссионерскими, а скорее прозелитическими, то есть в данном случае более активными и наступательными, методами, в соответствии с известными строками советского поэта С. Куняева: «Добро должно быть с кулаками, добро суровым быть должно».

Наступательность (или даже агрессивность, если следовать рекомендациям С. Куняева) необходима не только нравственному воспитанию, но и всей системе этики, созданной за многие века. Давно канули в Лету времена, когда категорический императив Канта мог позволить себе не спеша овладевать умами интеллек-

туалов, попутно проникая в сознание политических деятелей и общественных лидеров. Уже в 60-е гг. XX в. А. Печчеи, один из основателей Римского клуба, поднявшего глобальную проблематику, отмечал, что в современном коммуникационном океане «люди пребывают в постоянном недоумении, как уловить существенное, отбросить второстепенное и, наконец, как на основании всего этого прийти к разумным выводам, и к каким именно» [Печчеи 1985: 128]. И нет ничего зазорного в том, чтобы взять на вооружение его опыт позиционирования пределов роста, который базировался на том, что «воззвание Римского клуба произведет нужный эффект лишь в том случае, если оно будет представлено в какой-то новой, непривычной, образной форме. Это должно было напоминать лечение шоком» [Там же: 128–129].

К сожалению, сегодня о наступательности нравственного воспитания речи не идет. Более того, трудно говорить о наступательности нравственности даже в профессиональной этике. Так, например, анализ уровня развития этики PR [см. подробнее: Авдеева 2011] позволяет говорить о том, что сегодня PR-специалисты (даже лучшие представители) действуют с позиций последовательного утилитаризма, описанного М. Вебером более 100 лет назад. В 1905 г. в работе «Протестантская этика и дух капитализма», анализируя этические воззрения Б. Франклина, он писал, что они все имеют утилитарное обоснование: «Честность полезна, ибо она дает кредит, так же обстоит дело с пунктуальностью, прилежанием, умеренностью – все эти качества именно поэтому и являются добродетелями. Из этого можно заключить, что там, где видимость честности достигает того же эффекта, она вполне может заменить подлинную честность – ведь легко можно предположить, что в глазах Франклина преизбыток добродетели – лишь ненужная расточительность и как таковая достойна осуждения... Для Франклина упомянутые добродетели, как, впрочем, и все остальные, являются добродетелями лишь постольку, поскольку они *in concreto* полезны данному человеку, и видимостью добродетели можно ограничиться во всех тех случаях, когда с ее помощью достигается тот же эффект» [Вебер 1990: 74–75].

Необходимость следования юридической максиме «*dura lex, sed lex*» заставляет по-новому взглянуть на взаимоотношения и взаимообогащение этики и права.

Этика, как практическая философия, предметом которой, по мнению Аристотеля, являются поступки людей, всегда находилась в тесной взаимосвязи с правом, предметом которого также являются те или иные человеческие отношения. Как способы регуляции человеческих отношений мораль (собственно предмет этики) и право формируются и складываются практически одновременно. Не случайно многие правила поведения людей в обществе с давних пор параллельно закреплялись как в этической, так и в правовой системах социума, а в наиболее ранних из дошедших до нас источниках фактически сливались в единое целое. При этом возникающий синкретизм нормативной регуляции, подкрепленный в древнем обществе еще и, как правило, религиозными императивами, оказывался в практическом плане достаточно эффективным и действенным.

Взаимосвязь права и этики в тот период являлась настолько тесной, что попытки определить ведущего и ведомого в этом тандеме представляются столь же эффективными, как и в знаменитом споре о курице и яйце.

Вместе с тем очевидно, что на протяжении истории и уже в наше время достаточно большое количество этических норм становилось нормами права или

его источниками. Как представляется, ведомая роль права в современном этико-правовом тандеме обуславливается несколькими обстоятельствами: в первую очередь – усложнением жизни современного социума по сравнению с ветхозаветными временами, а во-вторых, еще и тем обстоятельством, что нормативные изменения в отношениях людей закрепляются сначала в неформальной сфере, какой является мораль, а затем часть из них находит формальное закрепление в праве. При этом этика в силу очевидных причин (к примеру, всеобщего характера самой морали) оказывается гораздо оперативнее права, что и позволяет говорить о важнейшей роли первой в формировании современной этико-правовой системы. Проблема только в том, что правовое регулирование, несмотря ни на что, все же остается эффективнее и зачастую действеннее требований морали, что обусловлено предусмотренными для правонарушителей санкциями.

Современная этика, пытаясь вернуть себе в соответствии с вызовами нового века имя практической философии, должна «найти приемлемые решения современных и практически неотложных моральных проблем, что предполагает гораздо большее, чем простое осуществление некоторой философской процедуры, когда теория высокого уровня применяется к практике» [Кэллахан]. А таковые решения по определению предполагают и механизм «Peitsche und Zuckerbrot»². При этом, вероятнее всего, «кнут» не должен предполагать исключительно общественное воздействие, поскольку еще Гиппократ отмечал, что из-за невежества тех, кто занимается медициной, и тех, которые с легкомысленной снисходительностью судят их, медицина «далеко ниже теперь всех искусств. И, по моему мнению, причиной такого падения служит больше всего то, что в государствах одной лишь медицинской профессии не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но это последнее ничуть не задевает тех, от которых оно неотделимо» [Закон...].

Сегодня, несмотря на достаточно разветвленную сеть разного рода профессиональных этических кодексов, их эффективность недостаточна даже по самым скромным оценкам. И это понятно – «а судьи кто?». Как представляется, ситуацию можно было бы исправить через создание внешних общественных организаций, выступающих в роли «авторитарной совести»³ Э. Фромма, которая являлась, по его мнению, «необходимым этапом в процессе эволюции человечества, прежде чем разум и свобода достигли такой степени развития, что стала возможной гуманистическая совесть» [Фромм 1993: 131]. Организация подобного рода могла бы рассматривать не только (и не столько) вопросы этики PR, но и – шире – вопросы этики бизнеса, профессиональной этики [см. подробнее: Авдеева 2011].

Отвечая на новые вызовы, глобальной этике предстоит преодолеть и локальный эгоизм в собственных рядах – существование чистой этики (или, если хотите, этики ради этики) сегодня невозможно. Чтобы в современном обществе эффективно овладевать умами не только интеллектуалов и политиков, но и необходимого большинства, этика должна эффективно осваивать современные технологии, формы и методы работы, а этики должны стать в первую очередь практиками.

² Кнут и пряник (нем.).

³ По Фромму, авторитарная совесть – «голос интернализированного внешнего авторитета», в отличие от совести «гуманистической» – собственного голоса, не зависящего от внешних санкций и одобрений [см.: Фромм 1993: 116, 126].

